

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА ДУРАК В ОСЕТИНСКИХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Моргоева Л.Б., Бесолова Е.Б.

¹ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВЦ РАН и Правительства РСО-А, г. Владикавказ, Россия (362040, Владикавказ, проспект Мира, 10), e-mail: soigsi@mail.ru

Статья посвящена особенностям репрезентации концепта *дурак* в осетинской и русской языковой картине мира. Сопоставление эквивалентных концептов в разнотипных языках выявляет семантические поля выражений с ядерным компонентом на основе содержания общего коннотата, универсальное и национально-специфическое в их структурах. Две культуры – русская и осетинская – отличаются как по своим мировоззренческим представлениям, так и языками. Для чистоты исследовательского анализа круг рассматриваемых единиц сужен и в качестве исследуемого материала взяты этнокультурные маркированные единицы – пословицы и поговорки осетинского и русского языков. Концептуальные различия в моделировании действительности и концептуальная структура как развитие человеческого опыта указывают на различные способы освоения мира, и их знание способствует как лучшему пониманию друг друга носителями разных культур и языков, так и в адекватном переводе паремиологических текстов.

Ключевые слова: паремиология, концепт «дурак», прагматика, семантика

ABOUT PECULIARITIES OF REPRESENTATION OF THE CONCEPT *FOOL* IN OSSETIAN PAREMIOLOGICAL TEXTS

Morgoeva L.B., Besolova E.B.

¹Federal State Budget Institution V.I. Abaev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic of North Ossetia-Alania, Russia (Vladikavkaz, 10, Prospect Mira) e-mail: soigsi@mail.ru

The article is devoted to the peculiarities of representation of the concept *fool* in the Ossetian and Russian linguistic pictures of the world. Comparison of equivalent concepts in the languages with different systems reveals semantic fields of expressions with a nuclear component based on the common connotation, the universal and the national-specific in their structures. The two cultures - Russian and Ossetian - differ both in their philosophical ideas and in the languages. For the sake of purity of the research, the scope of analyzed units was narrowed, and the ethno-cultural marked units, i.e. proverbs and sayings of the Ossetian and Russian languages, were used as the material under study. Conceptual differences in modeling the reality and the conceptual framework as the development of human experience point at different ways of the world perception, and their knowledge contributes both to better mutual understanding between the representatives of different cultures and languages, and to adequate translation of paremiological texts.

Keywords: paremiology, concept *fool*, pragmatics, semantics

Изучение паремий, речевых формул и народных изречений – благодатный материал и неиссякаемый источник для понимания национально-этнического сознания народа, его представления о мире.

Специфика устойчивого фонда любого языка ввиду свойственной ей аккумулятивной функции позволяет рассматривать его, в том числе и отдельные слова, многозначно и многопланово, со всеми смысловыми оттенками и контекстными значениями. Созданные и сформированные на всём протяжении эволюции языка, паремии как единицы ментальной сферы и основы языка обладают способностью выстраивать взаимосвязи паремических единиц друг с другом на основе общего, ядерного (центрального) слова, а также обозначить их семантические ряды. Это даёт возможность не только очертить семантические поля выражений

с ядерным ведущим компонентом на основе содержания общего коннотата, но и установить как универсальное, так и национально специфическое в их структурах.

Целью нашего исследования является выявление принципиальных особенностей репрезентации концепта «дурак» на **материале** пословично-поговорочных текстов осетин. **Методом** контекстуального анализа выявляются основные различия в выражении и понимании концептуальных смыслов лексемы «дурак».

Проведённое комплексное изучение семантики слов на базе паремий, представляющих собой завершённые микротексты, и других форм устойчивых единиц с целостным значением (полной предикативной основой) вывело к интересным результатам.

В современных исследованиях, посвящённых проблемам значения слов и внутренней содержательной стороне, всё чаще используется термин когнитивной лингвистики «*концепт*», который в ряде работ толкуется через посредство терминов «*понятие*» и «*значение*», а порою и отождествляется с ними.

В предлагаемой статье не преследуется задача решать терминологические проблемы концептуальных исследований в современной лингвистике, хотя и выражаются определённые опасения относительно однозначного использования термина «концепт». По В. А. Масловой, различие в понимании одного и того же термина, трудность разграничения смежных понятий надо воспринимать как болезнь роста молодой науки, к коей относятся и когнитивная лингвистика [5, с.36], и этнолингвистика.

Термин «концепт», являясь категорией не только лингвистической, но и логической, культурной, национальной, ментальной и пр., отвечает требованиям этих направлений. Из чего следует вывод о том, что «концепт» суть понятие междисциплинарное, межкультурное и даже межэтническое: «описание концептов способно дать ключ к более глубокому пониманию родной культуры и языка, значимо оно и для освоения языка и особенностей менталитета инородных культур» [7, с.174].

Мы разделяем следующую дефиницию В.А.Масловой: «...если понятие – совокупность познанных существенных признаков объекта, то концепт – ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом выражения – совокупность языковых средств (лексических, фразеологических, паремиологических и т.д.); концепты – это не любые понятия, а лишь наиболее сложные, важные из них, без которых трудно себе представить данную культуру («авось» русских, «порядок» немцев и т.д.)» [5, с.37]. Определяющим для нас явился тезис учёной, декларирующей, что «концептом становятся только те явления действительности, которые актуальны и ценны для данной культуры, имеют большое количество языковых

единиц для своей фиксации, являются темой пословиц и поговорок, поэтических и прозаических текстов» [5, с.39].

В аспекте приведённого наш интерес вызвал концепт *дурак*, присутствующий практически во всех культурах, причём не столько сама репрезентация его смыслов, сколько отличия в восприятии данного концепта в разных культурах с целью выявить сходства и различия в понимании и восприятии концепта *дурак*.

Как известно, две культуры – русская и осетинская – отличаются как по своим мировоззренческим представлениям, так и языками, которые разносистемны. Для чистоты исследовательского анализа мы сузили круг рассматриваемых единиц и в качестве исследуемого материала взяли пословицы и поговорки осетинского и русского языков, поскольку именно они – этнокультурные маркированные единицы.

Во многих языках концепт *дурак* выражается не только соответствующей лексемой. Признаки и коннотативные смыслы, присущие этому концепту, присутствуют в разной степени и в других лексемах, поэтому большинство из них входят в синонимический ряд концепта «*дурак*», а из единиц этого ряда имеет денотат *дурака* в разной степени.

Его лексикографическое описание: «*дурак*» 1. «глупый человек (разг.); 2. «придворный, или домашний шут XVIII в. (истор.). Остальные значения переданы с опорой на пословицы, поговорки и фразеологизмы.

Все производные от слова *дурак* даны с привязкой к основе. Скажем, *дураковатый* – глуповатый, со странностями; *дурачина* (разг., фам., укороч.) – то же, что и *дурак* в 1. Значении, но с большей укоризной; *дуралей* – то же, что и *дурак* в 1 значении; *дурень* (разг., фам.) – глупец, дурак; *дурачок* (разг.) – уменьшительно-ласкательное к *дурак* [9, с.811].

Опорным словом, объясняющим лексему *дурак*, является слово «*глупый*» (производное *глупец*), толкование которого гораздо шире, чем непосредственно слова *дурак*.

Лексема *глупый*, по Н. Ушакову, характеризует человека «с очень слабыми умственными способностями, лишенного сообразительности, ума; не обнаруживающего ума; || Бестолкового, неумного, неразумного (о словах, поступках); наивного вследствие недостатка знаний и жизненного опыта (разг.) человека [9, с.573].

Большинство единиц данного синонимического ряда объясняются через понятие «отсутствие ума» или иную, какую бы то ни было, степень проявления ума: *Безумец* – безрассудный человек; сумасшедший (устар.); *Безумный* – крайне безрассудный; 2. отличающийся крайней степенью чего-нибудь, очень напряженный, сильный (разг.). 3. сумасшедший, умалишенный (устар.); *Безрассудный* – не сдерживаемый доводами рассудка, благоразумия // неосторожный, опрометчивый [9].

На периферийной части семантического поля **дурак** находятся нелитературные, грубо-просторечные формы с тем же значением: *Олух* – (разг., бран.) дурак, болван, простофиля; *Болван* – в разговорном значении «тупица, дурак, неуч, оболтус»; *Оболтус* – (фам., бран.) глупый человек, болван, бездельник [9].

Таким образом, синонимическое поле, соотносимое со словом **дурак**, состоит из лексем, упомянутых во всех толкованиях, приведенных из словарей. На периферии этого поля с ядерным словом *дурак* находятся многочисленные ФЕ и паремии, указывающие на различные оттенки и степень проявления основного качества «недостаток ума». Важно, что во всех этих словах наблюдается обязательное присутствие семантического компонента со значением «дурак». Более того, возможно, что само по себе *дурак* отдельного значения и не имеет, а содержит все значения представленных слов с семантикой «недостатка ума».

Из этого следует, что **дурак** является ничем иным, как культурно-значимым концептом, во-вторых, концепт **дурак** проявляется в сопоставлении с концептом **ум** и тесно с ним связан: оба термина объясняются посредством измерения умственных способностей и называют их соответственно. В-третьих, арсенал лексических обозначений недостатка или отсутствия ума гораздо разнообразней, нежели для обозначения присутствия такового или его присутствия сверх меры. Для обозначения семы **дурак** привлекаются образные сравнения и формируются фразеологизмы.

Для сравнения, в осетинском языке концепт **дурак** представлен несколько иначе, а именно – лексемами **æдылы** и **æрра**, которые имеют очень широкое контекстное значение и ряд словообразовательных форм. Так, у лексемы **æдылы** ряд неоднозначных семантических соответствий: 1. дурак, глупец; 2. глупый, неразумный, бестолковый; в сочетании со словом *зонд* «ум» трактуется как а) тупоумие; ненормальность. [6, с.61].

В словарях производных от слова **æдылы** гораздо больше, определяют они различную степень глупости: **æдылдызæф** 1. глуповатый; дураковатый; ненормальный, полоумный; 2. дурачок; **æдылыгонд** – глуповатый; **æдылыгомау** 1) глуповатый; дураковатый; 2) дурачок; **æдылдызинад** 1) глупость; 2) нелепость; 3) безумство; 4) ненормальность, безумие [6].

В качестве усиления встречается в сочетании с **хæрз** «очень, весьма; совершенно; вполне»; **хæрз æдылы** совсем глуп; круглый дурак.

Еще одна лексема, соответствующая в осетинском языке концепту **дурак** – **æрра**, имеет в своем прямом значении несколько иные смыслы (1) сумасшедший, бешеный; 2) неистовый; 3) бредовый; 4) безрассудный, сумасбродный; 5) глупый; 2. безумец) [6, 98]. В бытовом разговорном употреблении **æрра** используется как полный синоним слова **æдылы** «глупый». Это подтверждается его производными единицами и словосочетаниями: **æрракæнын** а) сводить с ума; б) сходить с ума, беситься, безумствовать; **æрра митæ кæнын** 1) совершать

дурные поступки, делать глупости; 2) баловаться; *æррадзинад* 1) бешенство, сумасшествие, безумие, безумство; 2) глупость; баловство, и др. [6].

В качестве переносного значения встречается сочетание *сæрра кæнын* 1) свести с ума; 2) *перен.* Уговорить; увлечь.

Кроме того, в осетинском языке существует немало лексем и словосочетаний с различной эмоционально-оценочной окраской, влияющей на выбор говорящим того или иного варианта, для определения глупого человека. Многие из них носят описательно-метафорический характер: *Зондаей магуыр* «бедный умом», *æнархъуыды* «не способный вспомнить (понимать)», *æназонд* «безмозглый», *цыбырзонд* «с коротким умом», *æнасæр* «безголовый», *æнасæрфат* «без царя в голове», *ницыфæнаг* «ничего не выдавший», *æнафæнд* «не выдавший (не смыслящий)» *цыбырхъуыр* «с короткой шеей», *сæрзилæдждын* «с замороженной головой», и просторечные формы *хуырым* «наивный, тупой, тупоумный», *тыфтырыкъо* «легкомысленный» и под.

В этих синонимических заменах совершенно четко прослеживается эвфемистический характер их образования. Стремление избежать прямого названия человека дураком повлекло за собой образование сложных слов: *цыбыр+зонд*, *æна+сæр*, *цыбыр+хъуыр*, *æна+зонд*, *æна+æрхъуыды*, *æна+сæр+фат*, *ницы+фæнаг*, *сæр+зылын+джын* (*сæрзилæдждын*). Образованные по модели словосочетаний, эти лексеммы содержат указание на отсутствие (*ницы+*, *æна+*, *цыбыр+* – в значении «без») и/или название отсутствующей части тела или способности к чему-либо. Значения частей составляющих не отвечают общему значению всего слова, и в этом мы усматриваем сходство с семантикой фразеологических единиц, в которых наблюдаются «случаи вторичной семантизации компонентов. Это семантическое приращение возникает в результате метафорического переосмысления свободного словосочетания во всем объёме» [3, с.86]. Именно подобное переосмысление закрепило за этими лексемами коннотативные смыслы с общей семантикой «дурак». Концепт «дурак», как известно, довольно распространен во всех культурах и практически одинаков в своем ядерном значении.

В паремиях осетинского языка широко представлены лексеммы синонимического ряда со значением «дурак», что даёт основание для рассмотрения этого блока как *концептуального*. Интересно, какова репрезентация концепта «дурак» в устойчивых выражениях и формулах, в которых, как нам кажется, представлен не только весь синонимический ряд с этим значением, но и все коннотативные смыслы этого концепта, а также культурное восприятие, отражённое и зафиксированное в устойчивых единицах языка.

В качестве ядра выступает словарное значение лексеммы «дурак», а периферийная часть в нашем случае представлена устойчивыми выражениями с соответствующим лексическим компонентом, в которых отражен «субъективный опыт, различные прагматические

составляющие лексемы, коннотации и ассоциации» [5, с.58]. В свою очередь, набор словарных значений формируется благодаря тем сложившимся представлениям, которые отражаются в народном сознании и распространяются в результате активного употребления паремий и устойчивых выражений с лексемой *дурак*. Следовательно, в данном случае ядро и периферия концепта «дурак» – взаимоформируемы.

Известно, что концепт имеет «слоистое» строение, и его слои являются результатом, «осадком», культурной жизни разных эпох. Он складывается из исторически разных слоев, отличных и по времени образования, и по происхождению, и по семантике [5, с.53; 8, с.21]. В данном случае природа концепта – субъективная категория, о чём свидетельствует его «слоистое строение» и дифференциация на личные, возрастные и общенациональные.

Странно, но в определениях понятия «концепт» нет указания на субъективность, хотя они насквозь пропитаны ею. Складывается впечатление, что исследователи категорически не хотят признавать субъективную природу этого понятия, не видят того, что концепт состоит из «определенных признаков объективного или субъективного мира». Думаем, здесь уместно вместо союза *или* употребить *и*.

В национально-значимых концептах культуры отражены богатство языка, его связи с мышлением и духовной культурой.

Основная часть культурно-значимых концептов сконцентрирована в устойчивых единицах. Этому есть объяснение: «предметы, действия, явления, их сущностные характеристики, онтологические свойства, сопряженные с обрядами ритуалами и др., «входят» в образ фразеологизма, становятся основой его образования, будучи *уже* переосмыслены в культуре, *уже* подвергнуты усложненному, символизированному восприятию мира» [4, с.147].

В паремиях лучше раскрываются коннотативные смыслы концептов, которые лексикографическое описание не способно чётко отразить. К примеру, отношение к *дураку* как к субъекту с определенными умственными характеристиками и дивантным поведением, весьма развёрнуто отражено в осетинском языке в многочисленных пословично-поговорочных выражениях: 1) немотивированность, непредсказуемость социального поведения: *Æдыллы хорзыл куы ардауай, уæддар æвзарырдæм хæцы*. – «Если глупца на добро толкать (сподвигать), все равно к плохому тянется»; *Хъазын æдыллыма хъыг кæсы*. – «На шутку глупец обижается (Игры дурака обижают)»; *Æдыллыæн æмдзæгъд на хъæуы: доны хъæрмаæ дар кафы*. – «Дураку хлопать не нужно: он и под шум воды танцует»; *Æдыллыæн хист дар – чындзæхсæв*. – «Глупому и поминки – свадьба» (ср. с русск. Из *дурака* и плач смехом прет); *Æдыллыæн алы бон дар – барæгбон*. – «У дурака каждый день – праздник» (ср. с русск. И *дурак* праздники знает, а будни не помнит); 2) вычленение характеризующих признаков: *Æдылы – æнархъуыды*. – «Дурак – неосторожный (недогадливый)»; *Æдылы – сонт*. – «Дурак – взбалмошный»;

Æдылы йæхицæй æппæлын уарзы. – «Дурак собой хвалиться любит»; *Æдылымæ нымд нæй.* – «У дурака нет скромности»; *Æдылы сырхытæ уарзы.* – «Дурак красное любит»; *Æдылы ныфсхаст у.* – «Глупец (дурак) самонадеян»; *Æдылы лæг йæ хъæрæй бæрæг у.* – «Глупого мужика (дурака) по крику заметно (видно)»; 3) качества, не свойственные для дурака: *Æдылыйæ – сабыр.* – «Будучи дураком – тихий»; *Æдылыйæ – коммæгæс.* – «Будучи дураком – послушный»; *Æдылыйæ – æнæсæттон.* – «Будучи дураком – упрямый (непокорный)»; *Æдылыйæ – хивæнд.* – «Будучи дураком – своевольный»; 4) действенное отношение к дураку: *Æдылыйæн «гъæйтт» кæн, æмæ размæ бырса.* – «Глупого подстёгивай, и он будет переть вперёд»; *Æдылыйæ æппæл æмæ йыл хæрæджы куыст кæн.* – «Дурака хвали и используй его как ишака (работай на нём)», ср. с русск. Похвали дурака, а он и рад; *Æнæзондмæ дохтыртæ дæр нæ масты кæныны.* – «На дурака и врачи не обижаются» (калька с русск.); *Æррайæн æмдзæгъд кæн, æмæ кафа.* – «Дураку хлопай (в ладоши), и будет танцевать»; 5) результат отношения общества к дураку: *Æдылы дзуары бын дæр над æййафы.* – «Дурак и у святилища бывает бит (тумачков получает)»; *Æдылыйы дон дæр худгайæ ласы.* – «Дурака и вода смеясь уносит»; *Æдылыйы фæндаггаг раздæр хордæуы.* – «Дорожная провизия глупца раньше съедается»; *Æдылыйæ хивæнд – сæфты хос.* – «Упрямство дурака – верная погибель»; 6) отвлеченные утверждения, имеющие директивный характер: *Æнæсæр адаймагæй дахи бахиз.* – «Берегись безголового человека»; *Æнæмбаргæ адаймаг худæг у.* – «Непонятливый человек насмешливый»; *Æдылыйæн барын хъæуы.* – «Дураку прощать нужно»; *Æдылыйæн бирæ ганæнтæ ис.* – «У дурака много возможностей»; *Æдылыйы бон бирæ у.* – «Дурак на многое способен (много может)»; и др.

В осетинской лингвокультуре, так же, как и в русской, концепт «дурак» содержит семантику несоответствия интеллектуальной норме, которая практически всегда воспринимается как врожденное, не поддающееся какой бы то ни было коррекции, качество субъекта. Заметим, что отношение к такому несоответствию и к самому обладателю этого качества в лингвокультурах, сопоставляемых нами, разнятся. Так, мифологическая модель ментального представления образа «дурака» в русской парадигме представлена как «дурак – добрый, нравственный человек, который награждается удачей и счастьем» [1, 125]; этот образ сформирован под влиянием русской волшебной сказки, что отразилось в русских пословицах: *Бог дает, и дурак берет. На дурака вся надежда, а дурак-то и поумнел. И дурак ездит в карете, а и с умом ходит пешком. Глупому – счастье, а умному напасть. Дурак спит, а счастье в головах лежит;* и др.[2]. В осетинской же лингвокультуре, как видно из рассмотренных примеров, *дурак* хоть и бывает добрым в силу своей наивности, но не награждается удачей и счастьем, наоборот, несмотря на терпимое отношение со стороны общества, страдает от своего недостатка и терпит неудачи, разочарования и насмешки.

Примечательно, что из всех лексем, составляющих семантическое поле концепта «дурак» более часто встречается в русском собственно лексема *дурак*, а в осетинском — *адылы* «глупый, глупец». Причём, различия коннотативного наполнения лексем *адылы* и *арра* в поговорках и бытовом общении незначительны, тогда как в лексикографическом представлении *арра* имеет коннотаты большей интенсивности и агрессивного проявления «несоответствия норме».

Итак, исследование концепта «дурак» в осетинской лингвокультуре, при сопоставлении с его эквивалентом в русской лингвокультуре, определило, что представления носителей языка, зафиксированные в словарях, отражают признаки ментальных концептов, воззрения на природу человека, его место в обществе и жизни. Оно выявило также, что человек описывает мир или его фрагмент известными ему признаками; что парадигмы признаков «дурака» – антропоморфные: индивидуальные и социальные. Полученные результаты однозначно расширяют концептуальную сферу национальной картины мира. Понимание концептуальных различий в моделировании действительности и концептуальной структуры как развития человеческого опыта по различным способам освоения мира способствует лучшему пониманию друг друга носителями разных культур и языков; создаёт новые предпосылки для поднятия практики перевода поговорок, речевых формул и др. устойчивых выражений на качественно новый уровень.

Список литературы

1. Бусурина Е.В. Дурак / Антология концептов //Под ред. В.И.Карасика, И.А.Стернина. Том 2. –Волгоград: Парадигма, 2005. С. 121-131.
2. Даль В. Пословицы русского народа. – М.: «Издательство Астрель», АСТ, 2000.
3. Жуков В.П.Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 2006.
4. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
5. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта: Наука, 2007. –296 с.
6. Осетинско-русский словарь / Ред. А.М.Касаев. — 4-е изд. — 1993.
7. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Концептуальные исследования. Введение. Учеб.пособие. / М.В.Пименова, О.Н.Кондратьева. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2011.
8. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
9. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 1/ Под ред. проф. Д.Ушакова. — М.: ТЕРРА, 1996.

Рецензенты:

Фидарова Р.Я., д.фил.н., профессор, главный научный сотрудник ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и

Правительства РСО-Алания, г.Владикавказ;

Хугаев И.С., д.фил.н., ведущий научный сотрудник ФГБУН Владикавказского научного центра Российской академии наук, г. Владикавказ.